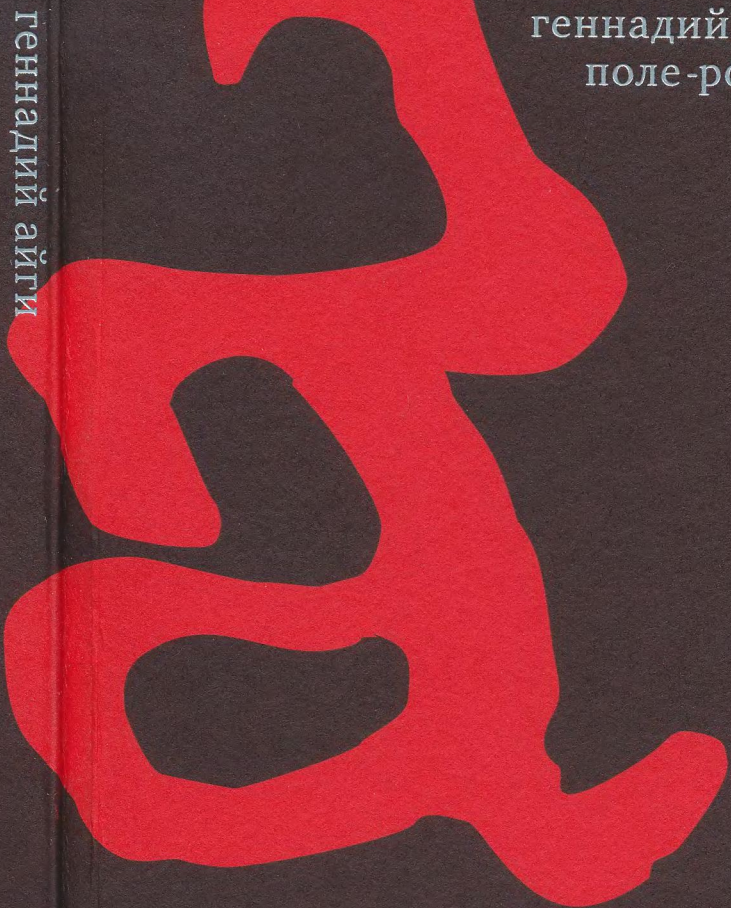

геннадий айги
поле-россия

геннадий айги

геннадий айги
поле-россия

Am 60
Ld. 94
Goddp

2

ГЕННАДИЙ АЙГИ

собрание сочинений в семи томах

ТОМ ПЯТЫЙ

геннадий айги
поле-россия

москва гилея 2009

*Выражаем искреннюю благодарность
Германскому ПЕН-Центру,
Творческой программе ДААД (Германия),
Шведской Королевской Академии
и всем, кто принял участие в финансировании
настоящего издания*

**Составление Галины Айги
и АЛЕКСАНДРА МАКАРОВА-КРОТКОВА**

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

**На фронтисписе — портрет Геннадия Айги
работы Николая Дронникова**

ISBN 978-5-87987-051-0

ISBN 978-5-87987-056-1

- © Галина Айги, 2009
- © Вступительная статья. Феликс Филипп Ингольд, 2009
- © Графика. Николай Дронников, 2009
- © Оформление. Андрей Бондаренко, 2009

оглавление

<i>феликс филипп ингольд</i> из речи, произнесенной на церемонии по поводу вручения премии петрарки геннадию айги	9
провинция живых (1978–1979)	17
поле-россия (1979–1982)	43
время оврагов (1982–1984)	107
холмы-двойники (1983–1985)	143

*из речи, произнесенной
на церемонии по поводу
вручения премии петрарки
геннадью айги*

*И там, где стояли мы,
пусть останется
свечение — нашего
благословения*

Г. А.

Дорогой Геннадий Айги,
дамы и господа...
...чтобы понять поэта, лучше всего исходить “отсюда”. “Здесь” — это первая книга, которую Айги смог опубликовать в России, его первая написанная там книга.

Поздний первенец, — автору было тогда, в 1991 году, пятьдесят семь лет. Дома его знали лишь те немногие близкие люди, которым он давал свои неопубликованные стихи для чтения, для передачи другим или для сохранения. Ибо на протяжении десятилетий Айги, чья работа никак не соответствовала требованиям официальной советской литературной практики, да и абсолютно не претендовала на такое соответствие, считался в бывшем СССР “чужеродным” и даже “враждебным элементом”.

Но ни официальные препоны, ни материальная нужда не могли помешать ему, находящемуся

в личной внутренней эмиграции, заниматься творчеством высочайшего художественного ранга. Айги постоянно утверждал себя как одиночку, и именно как одиночка — как автор с собственным обликом и неповторимым голосом — он вызывал неприятие, становился возмутителем спокойствия. Его поэтическое слово звучало наперекор властному слову правителей, оно не допускало никакого утилитарного или конъюнктурного использования, но и не находилось в пределах досягаемости каких-либо запретительных аргументов противника.

И тем не менее тексты Айги не скапливались в ящиках домашнего стола; в виде манускриптов, типоскриптов или копий с конца шестидесятых годов они стали, через посредничество друзей и знакомых, попадать за границу, где сначала появились отдельные переводы, а начиная с 1975 года и книги на русском языке. До сегодняшнего дня вышло более двух десятков его сборников, преимущественно стихотворных, кроме этого, сборники лирической прозы и эссе; все эти тексты задуманы Айги как одна книга, которая была бы столь же цельной и уникальной, как жизнь любого человека.

* * *

“Море и ветер могучи сами по себе, — и без нас. Таков и язык, — пишет Айги, — поэт *входит* в язык, — язык “зарабатывает” соответственно его энергии. Но, чур... — здесь нет полного “тождества”. Чур... —

ты, даже ослабевший, замечаешь такие гребни и валы языка: в них как бы бурлит и его “автономная” энергия, “разошедшаяся “сама по себе”, — ты успеешь еще направить кое-что из этой энергии “в свою пользу...”

Энергия значит тут то же, что и *вдохновение*, оно недостижимо путем волевого усилия, оно — случается, оно — событие в чистом виде. Все остальное — что требует сверх этого авторского вмешательства — есть *работа*; ее нужно *делать* с “тактом”, “умом” и “мастерством”. Автор стихотворение не создает, он делает его возможным.

* * *

“Лучше всего... легче всего я пишу, — сказал Айги в одном разговоре, — *перед самым засыпанием*”. “Во время предсонья”, уточняет он, охватывает его порой некое предчувствие или ощущение, чье содержание, смысл и цель остаются для него, однако, закрытыми: “Тогда я отдаюсь инстинктивной жестике писания”.

Писать как глагол, обозначающий действие, в русском языке употребляется и в рефлексивной форме; таким образом, акт писания определяется как безличный процесс с собственной динамикой — *писаться, пишется*.

И в этом смысле Айги стоит также где-то “между”; здешность и теперешность движения его письма в основном происходит между явью и сном, сознанием и сновидением, “волком и собакой”.

...Сон-Шепот. Сон-Гул.

Человек — ритм.

Сон, по всему, должен “разрешить” этому ритму быть самим собой (не суживаться, не перебиваться под действием других ритмов).

Сон-Поэма-сама-по-себе.

“Кажется, — отметил как-то Филипп Жакоте, — будто нужно спать, чтобы слова пришли сами собой.

Да... они должны быть бы уже здесь, прежде чем о них подумаешь”.

* * *

Кажется, что в поэзии Геннадия Айги простые вещи естественного мира жизни возвращаются записанными вещами-словами. Круг этих вещей и слов количественно довольно ограничен. Лишь самое простое, родное годится для его поэзии в качестве темы. Напрасно искать у него ссылки на урбанистические или постмодернистские реалии; ни как тема, ни как факт не фигурируют у Айги война и экологическая катастрофа, мафия или СПИД, терроризм или жертвы наркомании, в его стихах нет аэропортов, модных курортов, фабрик, солнечных закатов, парникового эффекта.

Но есть простота элементарного, есть одно солнце, эта береза, эта роза, то поле, холм там, лес, свет сейчас, снег здесь, ты как друг, эта дорога, мой дом, вот — небо, вот — овраг; есть повседневное

чудо, внезапная боль, и всегда это *моя боль, наше чудо* — нечто определенное, то есть здесь и теперь определенное для нас. Для этого у Айги и существует слово, оно стоит в своей вещной простоте — как “столб — полевой — придорожный”.

“...Я, например, по длительному опыту знаю, что между нами и деревьями в лесу может установиться некая “связь”, но в *сущность* этих деревьев, — где-то “там”, неопределимо — “там”, — мы как бы *проваливаемся* как в бесцветную тьму, — у деревьев нет Слова, мы *проваливаемся* в это *отсутствие*... — но бывает, что в свете Дня что-то *довеивает* до нас, — и об этом мы знаем по тому, что в нас, явно и “словесно”, что-то — вдруг — отвечает этому веянию”, — писал Айги.

Айги чувствует себя союзником Рене Шара, своего давнего “собеседника на расстоянии”, в бескомпромиссной борьбе за спасение “*чести и достоинства поэтического слова*” в этом мире, который — как сформулировал он в одном из интервью на Би-би-си — язык “*как творческую силу*” губит ради “*плоской риторики*” или самодовлеющей “*лингвистической игры*”.

Но Рене Шар противопоставил широко распространенному “*культу презрения к жизни и отчаяния*” высочайшую духовную работу и делал это, полагаясь исключительно на силу, чья мощь зиждется лишь на ее бессилии, — на силу поэтического слова.

Лишь эта сила, считает Айги, способна тягаться с нынешним потоком информации и кичливой риторикой идеологов, сочинителей рекламных текстов и телеведущих, причем даже тогда, когда она, подобно кафковской Жозефине, должна обходиться своим “никаким голосом”: “...тонкий писк Жозефины среди трудных решений — это почти как нищенское существование нашего народа среди сутолоки враждебного мира”.

* * *

Есть у Айги стихотворения, состоящие всего лишь из одной строки, из пяти, шести слов; есть стихотворение, чей текст — или звуковой образ — сведен к одному единственному гласному; а есть и стихотворение, которое вообще обходится без текста — пустая страница под заголовком: “Белая бабочка, перелетающая через сжатое поле”.

“Флоксы — после “всего” — так называется великое маленькое стихотворение, написанное Геннадием Айги в 1982 году в память Пауля Целана; вот как оно звучит:

а Белизна-а?

/нет меня/ —

а Бели-изна...

Тексты Айги — подобно предсказаниям или заклинаниям — после их окончания еще долго не кончаются; они устанавливают молчание и в нем говорят дальше, голосом — и на языке — читателя. Так тоже вершится поэзия.

* * *

То, что Айги дает нам для чтения, он дает нам — и мы поняли это — не для мгновенного понимания; он просто дает это нам... его слово, его стихотворение — это абсолютный дар, а дар есть вопрос, который самодостаточен, как бы бесплатный дар, непрошенный и без причины... за который никогда не рассчитаться.

Как на это реагировать? Что с этим делать?

Такому дару можно соответствовать лишь в том случае, если принять его, в его безусловности, без всяких условий, не стремиться ни возражать, ни оправдывать, ни объяснять.

Принятие дара есть единственное истинное оправдание его; и принять его — это значит *восхвалить* его; *восхвалить* его — это значит сказать дающему *Спасибо*.

феликс филипп ингольд

**ПРОВИНЦИЯ
ЖИВЫХ**

1978—1979

теперь всегда снега

[н. б.]

как снег Господь что есть
и есть что есть снега
когда душа что есть

снега душа и свет
а все вот лишь о том
что те как смерть что есть
что как они и есть

признать что есть и вот
среди света тьма и есть
когда опять снега
О-Бог-Опять-Снега
как может быть что есть

а на поверку нет
как трупы есть и нет

о есть Муляж-Страна
вопроса нет что есть
когда Народ глагол
который значит нет

а что такое есть
при чем тут это есть
и Лик такой Муляж
что будто только есть
страна что Тьма-и-Лик

Эпоха-труп-такой

а есть одно что есть
когда их сразу нет
— о Бог опять снега! —
их нет как есть одно
лишь Мертвизна-Страна

есть так что есть и нет
и только ЭТИМ есть
но есть что только есть

есть вихрь как чудом в миг
нет Мертвости-Страны
о Бог опять снега
душа снега и свет

о Бог опять снега

а будь что есть их нет
снега мой друг снега
душа и свет и снег

о Бог опять снега

и есть что снег что есть

| 1978 |

сон: горы — все дальше от кахиба*

долго двигаясь
будто — закат!.. —

эти горы душа
строит так: задохнуться!
из себя ли такие
тайники помещает в ущельях
и — взбираясь — в жилищах:

скажешь: трогает душу своя же душа! —

из того же — шумы ли? движенья ли смутные? —

бедных — где-то — тепло?.. —

люди-души — своей же души! —

к лицам (вздрагивая так: разрываясь!)
прикасаются... — родней?.. — не бывать

| 1978 |

* Кахиб — крупный дагестанский аул.

В ВЕТР

Было и осталось...

Я. С.

1.

это вещи его и в вещах так тепло
и тепло — его шаг
и от дома его в этом мире тепло
и тепло от него
хорошо от деревьев его и уютно от трав
словно вместе сияя одним
(а как счастье мелькало мое: дуновенье ведь
было такое
среди вещей как в дому)

2.

я как будто в муке а ведь так хорошо
в этом холоде странно-уютно
я полою одежды укрыт в этом мире
в ожидании легком
это счастье мое как за вьюшкою здесь
и буран за селом
я не знаю других (о священно-народный
словно мама народ)

3.

а теперь ведь пора (я не знаю других)
и буран среди дров как душа
да шаги как тепло а его разве нет
и любое лицо словно ветер чтоб укрыть
и страдания свет навсегда по краям
создавая ту родину в мир
(и все так же — как шорох! и место его
там где нет своего из души)

|1978|

теперь уже проходит жизнь

да: люблю я (шорох
утром — в сон слепя):
словно кровь на глянце
(что же делать мне)
там где ты живешь —

словно кровь такая (запустенье в комнате)
а молчишь ты зорко
(кровь — дитятей-спутницей)
а ведь пусто вдруг —

да: люблю (а знаешь:
так вот как средь сора:
лишь на то уже —

“все же дорогá мне хоть бы и такая”
говорю о днях) —

(да слепит тобой
слабо и серьезно)!.. —

(да тепло такое
как — “такой-то был”)

| 1978 |

другу — о где-то-жасминах

[а. волконскому]

Tout à jamais prit fin.

René Char

было
когда — то
о белое-просто-и-горы-и-я-и-любимое
(в друге):

(помню:
как храм:
это было: не помню
как стало:
забвеньем):

теперь
продолжая:

(будто
отсутствие
веяньем
длится:

где? — в умолканье такой же “России”
давно распыляемой
нами и вами:

отъездами-душами!):

долго: как долгое — долго:

(“где-то” — идею пепла пустого: “вокруг”):

ровное — в воздух-пожарище

| 1979 |

есть где-то — а : “БЫЛ”

[с. к.]

ах эта синица Поэзии
в маковом свете душевном
синица арбатской красы
девиц — словно брызгами красного
в тумане оставшихся сов!
 (“а было” — про “есть” говорится: такая-то
штука как вещь для инъекции
скрыта блестящая
как в белизне осязаемой одежды
блистательно-поздно:
было в тупик — удаление луча словно чем-то
морозного
а нам пребывать — оставаясь
стражами этой страны-не-про-нас
как пустого Пожарища)
а как же с глаголом? а просто
струною безмолвной мучительница
да все сердцевиною тайны
в мелькании снега как сонма неназванного
сердца — чтоб резать — синица

| 1979 |

ВИД С ДЕРЕВЬЯМИ

Ночь. Двор. К птицам на ветках притрагиваюсь — и не взлетают. Странные формы. И что-то людское — в безмолвной понятливости.

Средь белых фигур — наблюденье такое живое и полное: словно всю жизнь мою видит единая — с темных деревьев: душа.

|1979|

цветенье роз во время болезни

[ф. п.]

многая
роза-туман
(и подобно вязанию светом
мое неуменье
умом)

(вместе
и я
словно божий
единожды
чист)

в блесках
как в дворцах
а все же
туман
в повторенье
и в блесках

слабость
в узор превращая
в локтях

(будто
по ту
за раной не-близкою
сторону)

что-то о крови (как шепот)

в ширь заворачивая (дрожью)
как до поляны
меня
в повторенье
вперед
в переброс

как до поляны
в движенье и криках

(долго — знобящей боля бесконечностью)

| 1979 |

за дверью

[я.л. раппопорту]

а надо страх — иметь

чтоб да: без перерыва

чтоб тонко: да: душа (на то мы есть такие) —

и с жизнью — тоже — то (и сутью вроде —

крови:

в болящей — непрерывно — отменимости! —

собою — ею — зная:

и это — все что есть)

была — “пора” и много раз была

теперь без всяких “пор”

иметь уже — такой

иметь — как окончательный:

(чтоб — живу быть

чтоб быть)

— а ведь когда-то (нет того “когда-то”)
мы знали-кое-что-и-пребывали

за дверью — будто: час
(Чтоб взгляд разъять и крик)

мельканье: тенью — в голове:
как в мире: беспокойно-розового

(и кроме— тишь: как взор)
как будто Дух-Один (ступеней три-четыре)

(Чтоб кончить — здесь: разъяв)

и шаг — не звук: как шерсть

| 1979 |

и: последняя камера

[варламу шаламову]

...мраморея.

Ц. Норвид

а теперь — это в центре
каморка индома
с ненужною тумбочкой (в ней не держать же
колымский Ваш том)
а Вами воспетый — уже застывает
в мраморе стланик —
навеки-кровавом-и-мерзлом
(в том что уже — мраморея)
и глухо в каморке
как мысль (шевеленье ползущих по снегу)
что это — последняя камера

|1979|

без названия

какой же Мощью надо быть
чтоб так Безмолвствовать как будто
перед бурей
в столь скудном существе как я

| 1978 |

И: ТАКАЯ ЗИМА

[и. вулоху]

а зима? а снега?

да теперь уже так: ежедневно

это в воздухе-Мире

будто труп убирать (и к тому же воздушный)

и детей не пускать (“тятя тятя

эти самые сети”) детей не пускать

да как ямо-какой-то-копатель “поесть” тут

такие вот штуки в дому

да часы это тоже о том

(осторожно: ведь это — как плакать

это — крохи да тряпки как будто)

так и быть — будто труп убирать

(уточняем: уборка

та же самая в том что “душа”)

а зима а снега? — до сих пор о таком?

(даже стыдно сказать! — а ведь все же а все же

душою

как будто была богородицы! — можно

скороговоркою: так)

значит так и достаточно (значит

так и комкаться! — разве — стираясь как тряпка
— да разве
чем-то хуже ли
“жизнь” называясь)

| 1979 |

завершение: флоксы

[питуеру франсу]

когда отверженный своей душою скудной
бреду по улице а рядом-Евхаристия
и никнет голова —
так: ваша белизна — молитвой посвященных
и не поднять мне глаз
(чтоб не было: что да: лишь видимость теперь)
и не дожидаться слез (лишь смутное волнение)
как вот такой
(лишь горсточкой)
страны
как в братстве бедно-родовом завещанной
запрятанно-дрожащей
красоты

| 1979 |

песенка для себя

сокровенная песнь: “ничего мне не надо”
да иного я тоже
ничего-то не знаю
только то еще поле где в памяти вдруг
 так проста и спокойна душа
да и место к тому же такое:
ничего-то и нет (“ничего мне не надо”)
лишь в просторе бескрайнем постройки
 какой-то доска отвалившаяся
чем-то т а к человек-где-то-здесь
чем-то песня-ответ — да такому дневному
 и ясному горю
словно рана в руке а глядишь
и не оторваться (и будто лишь это осталось
как некое дело и жизнь)

| 1979 |

теперь и остаток-россия

в слезах подолы
лилии в крови:
на то остаток: наискось наотмашь!
и Духом Вея — гибелью Плесни
в несчастья свет! — таким м а з к о м Работая
такою кровью
Озари
в расхлест!..

| 1979 |

день-окраина

эти подтеки (такие — как будто
из самой родни)
эти разрывы на здании
о ты моя голова
о всколыхните-развейте как пыль костяную
пропитанность лета окраинного
родиной душно-бесцветной
(словно энергию в некоем бреду)
да и к тому же ведь это висяще
зная самую-собой-равнодушно
ни для чего
(и остается лишь воздух
как воздух вот и лже-братия
с Богом)

| 1979 |

поле-россия

1979–1982

цикл первый

поле-россия

[с. б.]

вот и желаю тебе!

(счастье-молитва безмолвно)

в поле умолкнуть душою (“о Бог” говорим мы

более-сердцем: долиной

белым-блистающего

вольно

вокруг

Совершенства) о как этот ветер

даже сиянье не тронул дыханья!

огнь

неизменности

веял

заметное

все

исчезало: о будь же

там

уже очень давно

не знающим — кем улыбалось:

“лучшее Чистое — ты”

| 1980 |

поле: а дальше — разрушенный храм

это ведь очень давно
и другого
нет — слава Богу! —

и словно
какое-то счастье
(этого
может быть
места)
болью (особенно “чистой”) болеть начинает:

о в благодарном
(“до слез”)
состоянье! —

и в тишине (словно духом блуждаешь
не понимая — и мирен
с непониманьем) — о в этом! —

в таком вот сиянье:

березы
поблескивают
(самое
будто
в этом-то и происходит Значительное) —

веет же — скажешь-не-можешь — о веет же
веящий всюду! —

(и в зыби
тем более
поверхности круга-холма словно чуда) —

и тени
спокойною
“чьей-то” молвою
свою полноту
(как душа)
сохраняющей
(и-дарственно-и-невторгаемо) —

поле оттенивают

| 1980 |

день-мир

День — расширяясь — все более — равенство
Миру:

словно
в движенье
Вхождение Слов
и Воздвигнутость
в распространении
Многом:

(ибо
как будто
качанием мачт
Излученья) —

в Поле едином
как в обще-прозрачной-Душе! —

Солнц — в тишине — чистотою без-звучья —
Ходьба:

в ноги и в спину:
Громадо-Часами! —

заново строя тебя.

|1979|

ИВЫ

ивы такие: уснуть! окружиться
живым будто вздох серебром
вздоргнуть и листья узнать словно шепот
 в блистании линий (вновь —
 воскрешаемый солнцем)
о мягком тумане-призренья — слезами в миру
 серебрящегося
детства бесстрастного! — ивы такие: уснуть!
серым рассеяться в ртутном по верху и
 нежность прокатывать: ту что не знали
что Духом расписывают
смертью туманят

| 1979 |

снова — поле-россия

Словно — после видения воздуха-неба-иконы: Покров-Пресвятой-Богородицы: вольным осталось — златисто — смягченное духом народа — сиянье: Покоя.

|1980|

сон-белизна

[б. а.]

“теперь
уже видимся редко”
(вернее:
просто не видимся)
а — белизною! —

веящей тайно:

(ах этот холод
вершинный как будто! знобящий!
гóлоса — словно белеющего
лучшею из драгоценностей
ларца кипарисового) —

а — белизною! —

глубокого обморока:

благоуханием: друг мой! — страдаю
во сне — освещенном: твоей ли душою?
и — не понимаю

| 1980 |

ПОЛЕ: НЕЗНАКОМЫЙ ЦВЕТOK

[сыну артему]

о свещнице (о за такое сияние
пусть мне простится)
о свещнице светоприемный!
в поле к заутрене-солнцу
светом-прекрасным
как обращением
умным
светящийся

| 1980 |

СНОВА — ИВЫ

[памяти матери]

[ф. л.]

вдруг

понимаю что душу твою вспоминаю

в тумане вдали наблюдая

подъемы теперь острова перепады вершин
серебристых

ивовой рощи

спокойной

(и чем-то

“потусторонней”)

и что-то “такое”

(“величие”? “благоуханье”

близкой души “чистоты несказанной”?)

помню должно быть (и даже вдали вместо
облика я

мыслями будто удерживаю

самый тишайший провал — только

нежностью ныне клубящийся)

впрочем

это одно лишь мельканье “чего-то” из памяти

когда переходы

словно “нездешних” красот
юностью тою роятся
где “вечное” — будто сиротство
(незримое — нас дожидаясь)

| 1980 |

И: ПОЛЕ ЖИВЫХ

поле — как “что-то” как Облик?
а если вот просто — для нас?
словно “мы нет” — только зреньем
 иль делом блуждая
вроде мы — как продвиженья:
странны — как сон: в озаренье!
спим просыпаемся (словно мелькаем):
ни для какого мы утра!
огненный свет без значения пуст
(только остаточный ответ без связи —
 как будто средь нас — не касаясь:
 Мерцание! — духа Отцов)
“встречи” “схожденья” — бесцельностью
 ярко-пустою
будто бродящего (в свете дневном —
 как в бескрайней незрячести)
сна — как из комьев-полей так
 из комьев-раздумий
остро — мертво — восходящего! —
 нет пробужденья
в Сне-оказалось-Стране!
в старчески-детском (повернутом вспять)
 б е с с л о в е с и и

| 1980 |

В тумане

полный тумана
всю ночь огород — словно сад
а за ним
в тумане-лесу за оградой
голос кукушки
как будто в всегда-утихающем-неутиханье
в далеком народе-отце
долго
давно
мой отец
(в сонме — клубящемся
шествием-пеньем)

| 1980 |

а тот косогор

[памяти в. м.]

чтоб голову склонить
мой косогор печальный!
и волосы по ветру
как будто темью в воздух: все вдаль и вдаль —
паденьем!

по ветру до могилы
(душа лишь одинокая — душа!)
и шевеленьем — шепот (с остатками рыданья)
с полынью — будто с явью
(как в-крохах-осязаемо!)
единственного в мире
(как будто — вот: душа! — и руку —
будто в воду!)

и очень-моего
сырого одиночества

| 1980 |

ПОЗДНИЙ ОРЕШНИК

а — орешник? твоими орешник
пятнами
ржавости
буду ли — вообразу ли?— немного
(когда “состоянье”
от этого
влажно)
ветер сиротства! как знак — никому!—
вот какой ты орешник!
где-то — лишь как на отшибе —
случайно включая
(меня)
ни к чему
будто в тумане прилеска
отблеск “крестьянскости” без освещаемого
без освещаемых
“жизни” какой-то остатком
в ветре
в дождях
никому

| 1980 |

ПОДСТУПЫ К ПОДСОЛНУХАМ

озаряюсь — и дома
и все забываю
и снова я — с братьями
мне — только свет (и не знаю подробные
вещи)
снова — улыбки
давно по-себе-принимающий
ля с благодарностью
с кругов-мерцаний-отцов
и только одно уже помню: как будто сияли
сиянья
в звонких проемах-касаниях
звонкости веянья женственно-жертвенных
сил:
столь всеохватно — как мир — отовсюду
мне — тоже сыну — шепча!—
этим вы — самые женские женщины
(ангелов — миру земли —
драгоценней) —
суть озарения!— этим-собою
нам — разрываемым-братьям-во-Родине
так озаряли укрытия-стены!.....
и золото слез отблистало:

воздухом-всею-страною-тоскою
ищем — и веянье рвется:
жизнь уменьшая: из плеч!
(словно я всем человеком-сиянием
в сушь — всех умов!— над землю
слабо направлен — мерцать:
в доме сияний
подсолнухов поздних)

| 1980 |

поле-россия — III

о тоньше чем небо
свещающее Землю! — душою народа
будто любовью-кругом
“паче илектра”* горящее

| 1980 |

* “Паче илектра” — из Акафиста Покрову Пресвятой Богородицы.

и: утреница-звезда (перерывы в занятиях)

[чабе табайди]

а к осени — все чаще: как дитя

(когда во сне — как свет)

с душой-крылом невидным

(со смесью ясного — со взрослостью —

сиротства):

не думаем мы: “что?” а словно окружаем

свеченьем восклицанья:

“а чистота ты там”

(о детскость так долга!)

потом так много — нет! (как впрочем все что мы)

а после мы — в умах

и вновь — всего весомей

(из бури

выпав

Мира)

а все же

беспрерывно

во сне — как дальний свет

| 1980 |

поле-россия: прощанье

Скоро и это узналось.

Д. Р.

а родину любить — Меня не видеть
заговорилось вдруг
и ожил более страны
сырой — в провалах: плач душевный —

в груди туманясь рос: как некогда —
пространство
где Троицы клубились доказательства —

(как этих
восхожденье
звезд
ты выдержал: как рос ты — Сном!) —

заговорилось в ночь (и слова нет — без Слова):
сиротства — лишь: туман — как горсть!—

быть светом-оком сонмом-петь-дубравой
и плакать солнцем (ибо — без души) —

а подем — быть — кто есть иль нет —

свободным

|1980|

ЦИКЛ ВТОРОЙ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ХРАМА

о
голубое
и
поле — серебряной ниточкой — поле
(и много
золота
много)
вдоль — напряжение!
и
твёрдостью светлости
ВВЫСЬ

| 1981 |

ИВЫ (памяти музыки)

[в. с.]

в долгом тумане-видении
светлой неслышимости
болью так ясен и так отдален
долг мой святой — драгоценность
памяти: пется — самой красотою:
“Шуберт” как “мама”!
 (“Боже” не скажешь — о Боже с душою
что-то случилось: рыдания
ровного нет! и давно дремотою
в столь-не-моей-красоте
чистые стоны-вершины теряя
тускло туманюсь)

| 1981 |

поле и анна*

в последнем
(как долго же он продолжается)
ярком — для зренья немногих — огне-как-
в-крови-исковерканном
(образом края рязанского)
последний
горит
(то и дело я вижу
железо работы
и спину
как будто в костре
окружаемом
криками
словно другой и язык)
пламенеет
последний
давно-человек
(и уже
мое зрение
не ослепить):

* Посвящено колхознице из Смоленской области Анне Кулешовой.

что и кому — эта центр-судьба? — у светила
поменьше сиянья чем в шее в щеках
прогоревших страданий — по тусклости
дольше любого огня! а рязанское
давнее
поле? а умерло
поле
и где же теперь
незабвенная Анна
свет Алексеевна
где же — все страсти-молчанья твои? —
а возможно известный не-солнечный
свет — белизна что сутробов
российских белее
все еще тлеет обугливаясь
от никому в этом поле не нужных
шепотов давних твоих?.. — мы такую красую
не открывались! — удивления были —
лишь пламени-гибели
безмолвие — кругом-как-полем
горящего страха!.. — и мертвость
созрела — огня!.. — и замкнулась в единстве
забвенья огромность:
без проявления-ветра — пустое
Поле — полей

| 1981 |

замедленный август

день проходил
словно мелкими листьями
сором Земли дорогим
в мире дождя (или в небе дождя)
смутно мы были роились
не загораясь и не засветя — в океане
божьем — как в острове белом-бескрайнем... —
и надо сказать:

это спокойно и трудно
жить-поживать и глаза не поднять
чтоб засветиться — и неким сырьем
в боге (позволю себе это слабое знание)
мокнуть — бывая его притяжением
собственным — книзу

| 1981 |

рожь — та же самая — рожь

солнце во ржи — словно сон мой:

как в алости — древлей! —

дрождью-и-медленно:

верхами колосьев (дорога утеряна)

жизнь-моя-сон-о-цветение-Господи

движется в красном и режет как

мною-щемящестью

сон — уже яркий — берез: тут и там

с соловьями (как будто местами

в ветре таятся немногими

нежного: в воле: ума) —

стынет-потрагивает будто в полете

кивками-как-веяньем-крови

робкие — душами где-то — природы места —

где-то в них пенья высоты (хотя и

не слышим — да с радостью)

долго тая

(будто в собственных доньях)

| 1981 |

ВЗДРОГ РОМАШКИ

облачко! —

так ли мгновенье

(невидимость-видимость)

смерти б моей покачнулось однажды —

(что же

мне выбрать

дороже):

ветр — драгоценностью — мельком! —

словно в полете

проснувшемся мною — первичным:

свежесть! —

отсутствия памяти

| 1981 |

поле-завершение (страна без людей)

В природе — покинута́й (а “что-то” вот шепчется — “веяньем” дальним: пока Неоставленной) — мы-я-или-вроде (“других” уже нет): отк а з а в ш и е с я — мы.

Самоотказ-и-Побольше (ушли — в небеса-без-ума — и сияние высохло! — празднества стали: в корнях-как-в-крестах! — да и было — как в небе: в Стране-Высыханье — от света как ветра! — не помним “секунд”).

И — марево призрака — лже-высота! — “тут-там” это все еще есть: это *где-то* мельканье (без семени-центра — без места — вращать) и качанье — вразброс! — п о б е ж д е н н ы м и быть осиянных-как-свистом.

А “небо”-из-вещи? — со дном пустоты: как отсутствие — словоподобия.

Есть — только кровь (как движенье лже-братий).

Вышли из возраста — отклика-духа-как-будто-для-“вечности” (скажем такое) — выпали — впали: в безвозрастность мира! — в младенцев не вырастут: став — тем же самым — отцами.

И: нет (доползает механически-липко) — Народа. Умиравший добавит (не для понимания): “который Отцом”. (Скоро не будет и меньшего слова — как корня-виденья: для сонмов.)

Поле — без слова как “ты” соответственного — поле (как Книга) — с людьми: без людей (Осиянного-Ока — названья-как-Друга — и Солнца Второго! — собою не ширить!.. — уже — как росы — не запомним).

А — г о в о р я щ и й?

(Да. Это тоже — от туда: *ничего не случилось*, — и одно только значит: *и с ч е з н у т ь*.)

| 1981 |

и: шуберт

боль

о тебе

появлялась: местами просвета

в юной дубраве! как ясно душою твоею

та синева прозвучать бы могла!

“музыка” мне говорили

я слышал — когда не звучала:

моей тишиною была!

позже узнал я — за нею

светлеет тоскою такая:

словно — в ответ — проясняется

мукой: Господь наш! — и нами

в грусти просимый — для нас

в боли Своей затихает

| 1981 |

идущий к стаду а.* — через поле

а за спиной
вдалеке
полнота
теней — с разрывами — все еще свежими:

— с ярко-сырой белизною! —

слева — не дождь а опущенность редкая
в виде дождя кое-где облаков —

(и озеро взгляда по миру
то: уже не расплескать
и оказалось: довыдержано:
понято: это и нужно и верно
когда — никому) —

— пересечение поля? бывает — сквозь жизнь:
прохождение жизни! —

* Посвящается совхозному пастуху из Московской области
Алексею Карпунину.

(а то и другое:
жаль
какого-то мальчика будто тростинку:
пелось ли в мире?
не вспомнить —

да: оказалось: отсутствие пения-как-острия
было и нужно
и как-то случилось:
эта потеря созрела: и шепот
некою вещь-как-частью-одежды
в ветер унесло:
оказалось
и это достигнуто:
будто просили:
и верно) —

в озере взгляда одно лишь движенье
(хотя и не помнится)
это быть может
(ведь всякое может)
какою-то синью далекою
ветер — сestroю!.. —

справа — событие стойкое: стог

| 1981 |

третья песенка для себя

а иногда мне когда невозможно

(а все же возможно)

“есть же такие мне вещи” тогда говорю

голову я: будто ею я мокну

в родине-где-то-заброшенной-дали

помня “чуть дальше а там”

о как любя отпускали! чтоб плакать щекою

забудьте что был я любя

долго об этот расщепленный

(нет никого уже) этот дорожный

столб полевой — головою

все передумавшей — даже отдумавшей

(больше не надо бы мне а теперь и давно и уже

не опаздывать

в это отсутствие к дереву-телу

чтобы старее один)

| 1981 |

СПОКОЙНО: ОГНИ ПОДСОЛНУХОВ (памяти валерия ламаха)

Вокруг — немного — будто строя: дом (не ведал — вот я там: своим каким-то “многим”).

Еще — заката бы такого (вот и вещи отцов — все те же: перекладывать дано мне — в двиганье-блужданье мирном).

Вхожу я в свет (а в книге на столе — горят слова — а мне он говорил: “всегда ты даришь” — а об этом дне — прочли бы мы как в общей крови братской: “выгранье радости во светлости сиянья”^{*}).

Лишь друг один был странно-больше реквиема (шли годы — создал: и страну однажды — в его лице увидел: полностью! — достойно ли то золото я впитывал? — лицо мне снится! — чистоту круженья — заслуживая или нет — я знаю).

* Цитата — фраза из святого Исаака Сирина.

(О детстве говорил — вдруг вспомнил: много дисков! — и книга книг — и много дисков! — свежесть.)

И с тем: “один” — неправда! — дар — как август: и думаешь-как-ходишь? — в старом золоте: как будто в горнице — все более спокойной.

Забыл ли я? — отцами золотиться — вдруг: руки брата! — и кругов-полей — за-ради друга — безущербна: звонкость.

(Повеял болью я — сказав что “духом-ковкостью”! — он понял бы бесшумно — всем лицом.)

И яркость: будто строя дом — народу! — и все же брат мой: духам лишь немногих (а малость — все! — когда лицо — исполненность).

(Я дом народа знал такой: как к пению — соборному — притрагивался.)

Скользить ли — грустью (да спокойна память: завершено уже основ строенье).

Все больше
мягкостью — ни для кого — закат:
и устремленность золота
к вещам простым людей
(а “были” — значит: были).

Воспоминания? — неверно: это — шире
(как в мертвости страны — не из страны: све-
ченье).

И друг мой! — брат: с улыбкой — как из
близких (я знаю — чистотой как говорить
лицá: из самого лица! — и свежесть: яркость
дисков! — свечение подсолнухов — как дом).

| 1981 |

мелькает любочка

Луг.

(Чтобы запомнить. Чтобы запомнить.)

Девочка-бабочка.

Храм.

Девочка-бабочка.

Луг.

| 1981 |

ПОЗДНЕЕ ОТЦВЕТАНЬЕ ШИПОВНИКА

помнит как будто душа о побоях
да очищаясь — лучится
раны сама освящая себе сохраняет:

вся — в окропленье! —

о этот воздух — безлюдья!.. —

(умер ли
кто-то
кого и не помню:

вот и бродить! никому
чтобы — как будто виновный — ни слова)

| 1982 |

еще одна песенка для себя

сплю это где-то
давно без страны это место где я
а утешение — где-то под снегом дрова
вьюга с тех пор
и не нужен и я
дружба теперь — рукавами во льду
тает об дерево кровь-моя-сон:
как запеваётся! тенью своею качаясь
болью как в воздухе
в тоске по столбам-в-этом-мире-иль-
ганнушкиным
песнью ненужной качаясь
в поле во вьюге средь хлопьев-существ
лбом рассеченным
в мир распеваясь! — для Господа
перебирая
под снегом
дрова

| 1982 |

цикл третий

прощание с храмом

что еще помню?—

теперь — только окна все больше пустые
(все более — ветер не ветер
просвет не просвет):

словно они — у с т а н а в л и в а т е л и
т о г о что не быть уже связи
с брошенным этим простором! —

и предупреждением входит Молчанье:

соборно-единое — в поле-страну (и все более
цельное — опустошенностью):

будто — единственный Храм

| 1982 |

СОН-В-ЗНАМЕНИ

пора

Метания

Стогов! — а ты?

как будто ширюсь тем же я-заглядывался:

все так же на стогу

работа рук мученья платья белого:

виденье-ты — как знамя!

горю-и-вижусь и тобой и сам

и чистотой рывков о всю-тебя-расширенность

тревожит тот же ветер золотой

все больше давний юно-обжигавший!

и в нем — любви движения нетронутые

меняются блистают

рея — вдаль

| 1982 |

капли на розе

а — капли?

живая детьми ли (во плаче хорошем
для жизни)

пока мне сердечность? — и в ней ли
и даже по ней ли

скольженья? — и нежности дымчатость
свежую в мире младенческую
мирно — про-капливает? —

раз-сосредоточивая (там — что и тут):

дольки родны — как в дому:

этой легкости-мира! —

даже и памяти нужно немного:

был — как от чтенья отвлекся

(а где-то

юнели во влаге

и я посещеньями белым-спокойного

помнил: юнеют! и долго
мне по лицу — будто дальне-легчайшему
рядом
скользили)

| 1982 |

**стихотворение-название:
белая бабочка, перелетающая
через сжатое поле**

| 1982 |

ВсЕ та же иВа

облако давнее
словно с движеньями думанья
там — шевеленьями теми же — близко-сырое
словно лица́ ощущение усиливая
место мамá-обожания будто в младенчестве
мне закрывает
чтоб выдержать мог
и не удерживая
насквозь серебритсЯ

| 1982 |

облака

это
как будто
в Боге была голова
а оставшись потом одинокой
обнаружилось: День затемнялся (и были дела)
также сиял — раскрываясь!
происходящее было сознанием — должно быть
таяло малостью-мною
в Том — облака открывающем словно ворота
ум заставляя — блистать! — а границы
временем были: разрывами
в ярко-едином
(касясь Земли)

| 1982 |

ПОХОРОНЫ МАКОВ

[а. л.]

пришлось! — я сон похоронил
и с ним ушла поблеклость драгоценная:
и без какой же неточки-незвановой
безветрие теперь:

без чудного “чуть-чуть”? —

я мало помню — а во Многом мира
дрожит (не о тебе ли
далекий человек) —
чуть беспокойя: весть?

| 1982 |

ЧИЩЕ ЧЕМ СМЫСЛ

о

Прозрачность! однажды

Войди и Расширься

стихотворением

| 1982 |

ТОЛЬКО ВОЗМОЖНОСТЬ фрагмента

...а это Золото и Жар
остаток (как о Солнце “было”)
Явления-Смысла “Зреет Рожь”
как Гул Безместный
как Обвал...

| 1982 |

О ДРУГ МОЙ

может ли — мертвым
ангел-хранитель
быть? — и носителем Слов
мёртво — предстать? — ибо странно-отчетлива
фраза:

“скоро придешь...” —

и прошепчена — другом
тихо-и-мёртво-спокойным:

все — неподвижность!
и только причина присутствия
как — замутненность... —

словно — немного б еще: то ли “время”
какое-то? то ли
перемещение?.. — был бы
свет — невещественный...

| 1982 |

а тот орешник давний

[ф. л.]

а холод
ясность холода?
чтоб было место — в тишине
еще яснее: “а душа?” — прохладой!
а — на ветру: дитя!
все то же: руки в сырости
к родной щеке как будто:
а вот — лишь доставанья в дрожи нищенской
безветрия — как абсолюта-льда!
лишь с отблесками холода
обратно к думаньям своим (как будто
опустело
от смысла что-то) и к одежде
собезмолвствующей
как паданьем бесцельно возвращаясь
останками движенья:
о том — случилось же: кому
повем? — когда давно
места любые — мне
лишь — будто из отсутствий!
(и в таком:

без связи:
из “чувства”-льда людского
еще о мама-ощупь)

| 1982 |

время оврагов

1982–1984

что кроме вьюг

1.

хорошо Пустота я с тобою живу
благодарен за слух
мне тобой от беды отзвучать
и под вьюгу достигнем такой чистоты
что прекрасно забудем кто мы

2.

а о том мне, теперь не сказать
почему для чего и кому
хорошо Пустота только кровь по виску
словно это для неба тетрадь
но теперь уже мною сотрешь

3.

хорошо что и с вьюгой как мы
что любовью как дерево был
и согласна душа что без смысла пора

.....

да вот горе с собой говорить

4.

а о том заверши мне сказать
и все более чтобы одни
грусть тиха как для ветки беда
а ведь знаю что скоро Одна
да немного еще разреши

| 1981 |

первая радуга года

слабо-туманное:

празелень? золото?

долго ли было — страдающе-ясного

(белого ль — жертва? рождение ли —

синего?)

неторопливое ветроподобие:

словно дыханье — единство с сиреневым?

(в этом заснул

не добравшись до алого)

| 1982 |

В ГОСТИ В ДЕТСТВЕ

[л. п.]

это “ах” по стене!
это круг
(я проснулся:
душа — как лицо) —

долготою готовилось
(были как обмороком
где-то поля — как моим) —

помнилось: свежестью
“ах” — заполнялось в видение
древа-ограды:

дном — пребывая как мною! —

(мир
назывался
“долго”
и радость
“незавершаема”) —

а пока начинается

“ах”-продолжение — из доньев:

(головы-пенья о головы-сверки родные!) —

(стены — как донья другие
для ветра и света пропитываются) —

свет продвигать мой — среди светов-других

| 1982 |

утро-окраина

следы
(словно только что
сущность Огромного
была
и покинула) —

синиц (на перилах балкона) в снегу:

что мне искать? —

это (слабое?) Ты? —

ранками
("есть Я
как только отсутствую")? —

опустошив
оставаясь
свежо

| 1982 |

окраина: зима без людей

это сияние
света от снега
по облицовке (о звонкости мертвой
ковкость пустая! —

о ровно-свободного
бездущия чистого
рядом высóты!) —

даже — цветение
(соками
времени) —

по блеску
безжизненному
лже-современных домов! —

это
сияние:
кровь —

пусто-бесцветная — стужи! — душа
холода — столь без-дыханья-живых-
эмфатически-строго

ясно

высоко

достойного —

себя самого

| 1982 |

ПРОЩАЯСЬ С ШАЛАМОВЫМ

лишь
у голодного
(если он тверд
и свободен
в забвенье) —

есть отрешенно-спокойная
(ни для кого)
чистота!.. —

в холод
крещенский
такою —

(твердости
тверже:
основой безмолвия
самого чистого) —

словно в пустой бездыханности поля
в молчанье-стране простота
завершилась —

до абсолюта-иссушенности
гулко до-выдержанная:

свет — человеческий: будто последний! —

жизни для стужи-России и книги без адреса

| 19 января 1982 |

песенка без названия

“что же мне делать” себе повторяй
но до такого забвенья
что и метель уж метет вот который-то год
и никого уже нет это будто снега никого
уже нет
только из комнаты в комнату: “что же мне
делать”

а со звонками давно
возится (нет никого) пустота
“что же мне делать” еще говори
и забывай (это очень немного)
что повторять и тебя уже нет

| 1982 |

СТЛАНИК НА КАМНЕ

Землю и почву — более суровую знал он,
чем ту, в которую ныне хороним.

Прощаемся с Шаламовым.

Тело Литературы, мясо Поэзии, при “градусах” ада колымского, оторвать от железа, с кусками железа, с его плотью! — такое он совершил.

Был — как умерший при жизни для жизни.
Говорил — Абсолют: свет, из костей выжимаемый, более верный, чем если бы было — из “душ”.

(Живые? — да были — “постольку поскольку”: строили комбинаты-“романы” — говоря об освенциме-мире; а было: пожарище — на месте что “было”! — с замерзшим-в-незримость кайлом-“языком”.)

Мало уже значит, что тело его — мертвее земли. (С ним это было и раньше, я знал, что́ бывало с рукой, которую он подал мне дважды; прочтите в его томе, что́ бывало — с умом.)

Оставляем здесь то, из чего было выжато — все, ставшее Геометрией (не видим, но знаем) Трагедии.

Вернемся в город — в Провинцию Живых. Где будет иное отныне — пространство-и-тело Поэзии: живые для жизни не владеют Ее языком.

| 19 января 1982 |

ПОЛДЕНЬ

Роз
сияние —
как долгое вытирание
слез.

| 1982 |

зима-окраина

в городе
брошенность поля была
(потоптали оставили):

свет — хоть и нет никого — будто в зоне
от ламп! —
лунки-следы (словно-нетями-каждая-
в-боге-как-в-мире!
местами отсутствия!) —

ими его же присутствие
так прорисовывая:

о эта поля-и-неба
вся чистотой: бесконечность!.. —

лишь начиная (когда это только что: ум —
как за смертью — и вот исчезая
пространством-“о-Боже”)

| 1982 |

подросток-в-старце
(к фотографии Достоевского
1879 года)

все надвигаясь:

пол-лица — вперед

(огни:

от мрака-высоты

какой? —

о место оборотня-пламени:

двоясь как будто смесью духа с костью

в житье-туманность

остро

льдинки!

“не зря я не люблю деревьев ночью шум”)

все надвигаясь:

пол-лица — назад

| 1982 |

а они притихая во время болезни

[а. витезу]

о чудная

слабость: по сердцу шажки... — переходы
как в зарево-лес: в тишину... — незаметно

спускаясь

по слабости глаз: по дрожанию
сумерек в думанье —

(как барабаня)

спускаясь

(шажки круговые) —

к пусто-спокойным — в прохладе

меня-окружающим

(о ровно-со-мной-остывающая
“собственность”!

словно

прозрачность) немногим

вещам — о воистину сестрам

белоголовым

(бумагам-вещам)

| 1982 |

продолжаясь все той же: в горенье
народов-отцов — в отдаленном уже
тайнике недоступном:
в стойком пылании этом — в снегах
бесконечных
во влаге труда — как в дождях —
Всенарод-закалять-продолжающем:
ты осталась не ведать — каким это кругом
обратным
горят — представленья-прозренья мои:
в отдаленьях таких где давно отгорели
даже подобия их!.. — и тебя
будто в юности мозг мой: сияющий образ
среди белого дня:
бьет и коверкает
из цельности тех же глубин
чистый — как руки твои — как идея о них
в этом мире:
свет — словно шепот!.. — а просто —
быть может
теперь это все — только мной шевелящееся
название — народа

| 1982 |

с пением: к завершению

*Празднество распалось. Я увидел лишь
небольшую вереницу, удаляющуюся
в сторону леса.*

Запись 1956 года

А. Назаренко

колыханьем лесного подола
ушла вереница — с улыбками были — исчезла
с собой уводя и напев
шагами ушла колыханием дела руками
дрожание края лесного
мне оставляя уже ненадолго:

— нет не взорвется ничто я спокойствием
буду задушен:

боже какой это Бог мой спокойный
так на виду затихать! —

просто такими простыми
из света из глины покровами кровь укрывая:

в лес заблестеть — доискриться как в мареве
в том что одной светокостью осталось
слабо маячить мне лицами:

землю рожавшими! — небу:

(здесь мне забыть и о бедных вещах мне беднее
молчать: эта сила как вещи ненужные
даже слаба умирать: это ветер шуршит
в разрушеньях давно — даже крови не
нужно: пролиться как знак! — и такой уж
пустырь — равнодушное око! — и будет
землею все более — дню):

и значит пора отосниться
больше чем Богу покоя:

призраку света пора отосниться
свету отсутствия лбов — огневыми раскатами
нас открывавших:

что ж? допоем: ничего не предвидится
значит еще как воде отосниться
“о вереница” ходьбе-веренице:

— Боже прими за живое хотя бы такое:

о отосниться (и лес закрывается):

слабостью тихой слезе-веренице! —

вам — недопевшим

|1983|

о девочке и о другом

вечер

а розы

несчастья людей не огромны на то и название
слишком уж тусклое

“мама ушла” говорит будто просит

пить — “а куда?” — повторяет “ушла” (есть
игрушки и есть вот такое
понятье простое)

эта внезапная девочка (просто —

вернуться-то некому) — и наступает

(будто все годы проходят и годы)

безветренный вечер — о розы

здесь и обиды такие как будто их даже и нет —
но при этом

розы хотя ничего мы собой это самое

не представляем

кто-то все время подходит к окну и играет
на скрипке

будто мы сто́им

чтобы изъятием заняты были

здесь средь оврагов — и розы хотел бы я
малого

но ничего уже малого нет

чтобы остаться мне с чем-то простым —
и на скрипке
странно-открыто играя все время подходит
чтоб отступить от окна
будто без тени: и будто обиды поболее знает
чтоб одолжить без ущерба!.....
— и это включая все тише
вечер безветренный
как пониманье простое ребенка
без смысло-подробностей: прост

| 1983 |

роза молчания

[б. шнайдерману]

а сердце
теперь
или только отсутствие
в такой пустоте — словно это притихло
в ожидании
место молитвы
(чистое — пребывание — в чистом)
или — скачками побыть начинающая
боль (как возможно бывает
больно — ребенку)
слабая голо-живая
будто беспомощность
птичья

| 1983 |

последний овраг (пауль целан)

[м. брода]

Поднимаюсь;

так строят

в хождении

храм.

Веет братство, — мы в облаке этом:

я (с незнакомым мне словом

как будто оно не в уме) и полынь

(беспокойною горечью

рядом толкающая

мне это слово),

о, снова

полынь.

Глина,

сестра.

И, из смыслов, единственно бывший

ненужным и главным,

здесь (в этих комьях убитых)

как имя никчемное. Им

пачкаюсь я, подымаясь

в очень простом — как огонь — озаренье,

чтобы отметить метой последней
вместо — вершины; она
пустым (ибо все уже отдано)
лицом: будто место безбожья
высится — по-над полынью.

(...

И

форма

была

не

увидена

...)

А облако:

стали слепее (безликостью полой),

дно — без движения; свет

как от разверзости — камня.

Все более

вверх.

| 1983 |

песенка для нас с тобой

а беда-то у нас — в пять копеек ценой!

не назвать и бедой

и не ходит — едва семенит

и не ломится в дверь — за дорогой шуршит

да не тень — будто полость пустая в огне!

только в том вот беда что хоть горя и мало

будто рядом — с какою-то меткой!.. —

и неким тряпьем нехорошим

(да уж очень живьем) шевелит

и еще — как подобие вдоха!

да не оглянись:

ибо может в такое-то время

больше Бога сказать (а быть может и сказано)

и давно ожидая дрожит

| 1983 |

песенка по поводу одной потери

[питуеру франсу]

долго
пустынно
свободой такой начинается:

дальше — все дальше — бездоннее видится:

ПЛОТНИКИ

ставят (алея и все отдаленнее)
бревна на сруб:

и плачут упав на бревно —

а это такая бескрайность
во-сне-прояснение-края-горенья:

очистилась так — ничего уже больше не будет:

и даже — не видеть: душой! —

да только алея (и все отдаленнее)
плачут — упав на бревно

| 1983 |

без названия

[м. элешди]

кто — молчанием
говорит о достоинстве равном — покоя
перед Творцом? — это слабо-алеющие
секунды — шиповников
клонят догадку спокойную: мы
тоже — могли бы включиться... —
но только безмолвием
рода — того же... — но т а м: лишь в пустотах
мы тонем
где смыслы всегда — не ответы!.. — и снова
к молчанию собственному
мы возвращаемся
как к самому верному Слову

| 1983 |

ФЛОКСЫ — МЕЛЬКОМ

однажды

в дни такие же

Ты — был:

(возможно ли? я остаюсь с незнанием

но с силой — большею: с тех пор

без изменения):

вдруг — загорелась: ранами — глядящими

как будто бьющей красотой-вопросом

какая-то дорога-тело — в грудь! —

из глубины полдня

(обрывок! тело-путь — в ключицах — в шее

и в пустыре окраины):

цветенье ль вздрогнуло:

любимей-быть-не-может?

больнее жизни — был толчок! так — вдруг

вошел — толкнул: как будто кровью кровь?

и красотой — я не страдал а: “смерть бы”

(бродил: слеза не забелела: день

алел — опустошеннее) теперь

ищу — как призраком слезы: теперь?

“о что угодно”

но только б — в ту любовь!.. (случайно —

будто тайно

бродя — средь флоксов)

| 1983 |

мертвая роза среди бумаг

На средства,
взятые у бедных,
греметь о громе — сил державных.

Назвать бесстыдством?
Даже этим — дать
им что-то. Повод — для злорадства.

Но *что-нибудь*, хотя бы малость, — *бедным*.

Но, Бог ты мой, о чем мы говорим?

Нам даже слово *бедность* не дадут,
и чтоб,
простое,
было — на бумаге.

Скорее, вырвут у ребенка хлеб.

Из рук, огрызок жалкий.

| 1983 |

ХОЛМЫ-ДВОЙНИКИ

1983—1985

и в пламени-давнем-холме обожаемом
эти провалы-молчанья (подобно полянам
воздушным)
казались соборно-синеющими
из остатков младенческой ясности
мне ключицы ломавшей
горя —

— и с тех пор было долгое время столь долгое
будто отсутствие мысли и мира —
давно завершившимся кругом! —

и не холм а пустоты горят
на удары горя-отвечая
той земли что зияет (хотя бы “у нас” а мы все
уже мы)
отзвучанием став и в понятиях-местах! —
только ветроподобие:

полые гулы
идеєю домо-исчерпанности
без — направлений! —

а бессилия (ибо мы силами знали ушедших
и слабых рождателей-скрепщиков неба
любви из комков трудовых — простотою
труда — и из комьев душевных):

призраки мощи безлично-безликой:

смотрятся
грохотом в грохот
провалом в провал:

в небе одном
из без-смыслов — едином! —

...даже не скажешь в каком это всё пребывает
круженье... —

(а друг?
настоящее имя
друга любого — Потеря:

и мне — “все равно”... — мне давно лишь
обрывок из песенки старой:

было — “мелькало дитя”... —

но знаю я: холм-навсегда)

| 1984 |

жалкий пейзаж неизвестного художника

[и. м.]

былинки сухие

высокие: так без конца — а из Солнца
льется — как слово бесстрастное с губ
древнего старца: *а бледное: видно:*

с трудом вымывается... и не блистательным
шумом

более выражен мир: спотыкается

им говоримое

сломанным стеблем... другим... продолжаясь
до края земли... — но не выдержал видимо

мастер:

будто вздохнул... — в этом мареве сером
вздрагнули (чуть различишь)

две-три ромашки

| 1983 |

не доезжая до друга

[жаку рубо]

это

не ветер

а свежестью долгой дурное

какое-то скользко-румяное — словно

с нашептываньем

передвиженья умеющее

чувство-беды: это нечто — чуть вздрагивает

в доме — как в поле:

бело

стоит

рядом — с книгами: будто сквозит — у откоса

реки где от света — остаток: лишь некие

блики-и-клочья

несчастья — в травах: и разом — вдруг —

как ночь открытая: голо — в темь

и освещение

в ней

тишина:

будто все ходят и ходят — в кругу озаренном

точно и ярко... и снова

в тепле — нехорошестью есть:

и коверканьем веянья

вновь — у лица! — направления двигая

чем-то — все так же — румяно-бесформенно

пухнущие

в доме

твоем

|1983|

и: едино-овраг

*[памяти кшиштофа
камиля бачиньского]*

1.

это спокойствие
ветр над оврагом Людьми-называться-
бесстыдно-Оврагом
и наконец Сверх-достоинство-Бездна —
да просто такое спокойное
рухнуть-Достоинство: нет ничего означает
Единство (до степени этой до мига
договорением
ветр
над оврагом)

2.

ветр
как дыханье уже без Чего-да-Кого говорим мы
духоподобье (подобье подобья)
Друга-глубин-первозданного-Аушвица —
всеобще-людского Мыслителя-рвами
ветр
недоснившийся сон

чуя (и душу как кровь из младенца знаменами
рвя-и-крича в разверзанье)
чуя-едя бесконечным собако-дыханием
кратер оврага
оврага
и только из жидкости-сущности-
“жили-да-были”
этот обратный давно до-Кого-То (когда уже
трупом над всем отблистало
название! — блистает
бесследность — за тем отблистаньем)
о этот
обратный
не менее
Дождь

3.

о тишина
я бесстыднее не был
с тобой тишина
а вот так же со мной
ты тишина как дыхание
света-бессмертно-высокого
духа-Золы (вот такой красотой
истинной

ныне
ты есть
тишина)

4.

ветр
мы закончили а из оврага
стыдно да вот же цветку же подобно
ветр будто лепет младенца-Бачиньского
 (вот вам цветочек-такой-иероглиф-
 могучего-сверх-совершенства-дрожанье —
 теперь-то дошло как раненье ребенка
 бесстыдное тонкостью)

ветр
над оврагом
закончили
даже клейма совершенства сияющих травам
 да птицам зубов-совершенств-
 Человечества-Бога-давно-Словоедов
даже и знака
какого-то
ветру
самой Пустотою
не всаживать не вzasверкать
(отблистанье

покрыло: и имени нет
чего-иль-кого-Что-теперь-и-назвать-уже-
 пусто-и-поздно! — того: в отстраненье
 закрытом! —
лишь кости сияют скорей чем свет глаз над
 лицом!) и бесточечно-и-
 раздробляюще-нечто
словоподобие
бесстыдства последнею тонкостью
рвя-Что-то-рвя! — и все тоньше и тоньше! —
 закончили — ветер над оврагом
закончили
ветр
над оврагом

| 1984 |

река-жемайтия

река

поведеньем — само-открыванием

то исчезающим

то долго смотрящимся

в мире доли-ин была-пребывала — очертания

в мир добавляя

словно та женщина давняя (в виденье дальнем

теперь даже очень уж давняя

много и ровно темнея)

о э-эта — волны-немного-река: эта женщина

знавшая — тихо и ясно —

что кто-то подглядывает

и глядя — впере-од — замедленно-чисто

пролистывавшая

изредка губами притрагиваясь

(так ли вам много когда вам

желе-езом — можно в любое

время для вас подходящее)

река-а-о-женщина — о открывавшая

будто во воздухе шелк из поля-ан

странички рукописного молитвенника (о —

стоило бы

не беспокоить) — такая

река... — а... — ибо (а это еще уже больше
чем мне) —

— простите мне слабому —

только уж отблесками малыми плакать
о — в складках
(невозможно мне выразить)
в складках

| 1984 |

при том что без слов

[эугениюсу варкулявичюсу]

если
молчание
может белеть — и если
оно — мое — о (затиhaю): пребудь же
птицей ненужной
(и тем — невредимой)
там — внутри (где стучат по стеклу
бедной часовни
в лесу)

| 1984 |

ХОЛМЫ-И-ХОЛМЫ

[памяти витаутаса мачерниса]*

Стукну я головою в ворота.

Из дайны о коне

движенья движенья:

то словно паденье чего-то невидимого

то в зареве зыбко-холодном

будто

дыхание

рядом

коня —

из дальнего пенья без слов:

! —

ЭТОТ

день белокостно-огромный

центром которого

* Витаутас Мачернис (1921–1944) — литовский поэт, погиб во время бомбежки в городке Жемайтийская Калвария. При чтении вслух девятая и двадцать девятая строки (состоящие из восклицательных знаков) выражаются сильными ударами.

где-то
под вечер
как будто стучится в ворота
давно без-неизвестного места —

Словом — как Господом —
упомянуто-пущенный
по Жемайтии твоей)

| 1984 |

празднество-калвария

[аудрюсу науйокайтису]

Дом или мир, — что-то белокостно-центрально горело, постукивая ударами света — и рушась: пламенем. Были открытые двери — лишь символами неприступности, создавая кольцо — надежнее огня. Как разрывалось горящее средоточие! — попыткой выхода было — исковерканное приближенье: к рыданью. И оно — кружило, сверкающее ранами, — изредка кто-то обнаруживал — подобье себя. И где, за дверьми полыхающими, в каких это далях — бормотание: обще-умиленное-и-тайное? — двери закрылись — более отсутствующе-тверже чем свет! — ум исчезает в-разрывах-в-костре-белокостном! — беспмятство запомнит единственную его фигурацию: не точкой родился, — крестом разрываться! — костром изуродованным — из мбзгов-и-рук-и-орудий-крестьянских! — взрывами Перво-Груды: в молнии вечной — Само-Удивления: перед открытием нищенской крови в Себе! — да так: ее нет — без пролития.

| 1984 |

дорога из лесу: вечер

[йонасу мальджюнасу]

малинник:

как в *детской*
молчание Бога —

(дыханье — везде — затаенное) —

и сиротливо
все больше — окраиннее
будто со смыслом расслабленно-бедным
вдаль — отступает Закат: за холмы
ставшие вдруг
бесприютно — далеко — пустыми:

и — кем-то оставленными (кто больше “души”
и “живого”) —

без знака — о том... — и заранее:

еще — до какого-то случая

| 1984 |

белые цветы на самом краю родины*

[памяти балиса сруоги]

уходили

потом и исчезли — — — — —

все да-альше

— — — — — и здесь

тоже некому было увидеть

что что-то случилось: уже не вернуться

и только давно

бледно-застывшая с тех самых по-о-ор-женщина

(это

все время

под утро)

подумает: руки к окну — а будут

на ангельски-мертвом стекле

лишь знаки от пальцев истекающе-яркие

— — — — — (та же прохлада

про-хлада)

а вот

все равно

* Ряды тире, встречающиеся в этом стихотворении, выражаются при чтении вслух, соответственно их числу, равномерно-монотонным стуком.

уходят все дальше: хотя без теней — пригорки
разворачиваются — — — — —

долинам показывая

что-о-их

давно уже нет

| 1984 |

поляна-прощание

[т. венцлове]

пение (их же — внезапное)
их вызывало — и они вырастали —
с объятьями
там — на поляне раскачиваясь.
(пенье раскачивалось):
в отцы — из отцов — вырастали (и свет
отцов — раскачивался):
пели — страну находя-колыхая
(тем самым теряя
ибо
теперь
уже находенье любое — потеря
все более — обще-Земная)
и возвращение это горело-раскачивалось:
в руках — на плечах друг у друга — пылало
прощанье! — уже находенье
то — окончательное
(ибо — последнее)

| 1984 |

жемайтия: заходящее солнце

[памяти антанаса самуолиса]

а над
Землей —

Оно само — Земле подобно было:

(как будто все-иль-вся — в поту кровавом) —

в туманность
пота черного Ее
(все более — как неким Двойником) —

а также — будто в человеко-мозг
(огромностью Ее алеющий) —

в холмы — в холмы:

все тяжелее Врезывалось

|1985|

содержание

из речи, произнесенной на церемонии по поводу вручения премии петрарки геннадия айги <i>феликс филипп ингольд</i>	9
---	---

ПРОВИНЦИЯ ЖИВЫХ (1978–1979)

<i>теперь всегда снега</i>	19
<i>сон: горы — все дальше от кахиба</i>	22
<i>в ветер</i>	23
<i>теперь уже проходит жизнь</i>	25
<i>другу — о где-то-жасминах</i>	26
<i>есть где-то — а : “был”</i>	28
<i>вид с деревьями</i>	29
<i>цветенье роз во время болезни</i>	30
<i>за дверью</i>	32
<i>и: последняя камера</i>	34
<i>без названия</i>	35
<i>и: такая зима</i>	36
<i>завершение: флоксы</i>	38

<i>в сумерках необязательности</i>	39
<i>песенка для себя</i>	40
<i>теперь и остаток-россия</i>	41
<i>день-окраина</i>	42

ПОЛЕ-РОССИЯ (1979–1982)

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

<i>поле-россия</i>	47
<i>поле: а дальше — разрушенный храм</i>	48
<i>день-мир</i>	50
<i>ивы</i>	52
<i>снова — поле-россия</i>	53
<i>сон-белизна</i>	54
<i>поле: незнакомый цветок</i>	55
<i>снова — ивы</i>	56
<i>и: поле живых</i>	58
<i>в тумане</i>	59
<i>а тот косогор</i>	60
<i>поздний орешник</i>	61
<i>подступы к подсолнухам</i>	62
<i>поле-россия — III</i>	64
<i>и: утреница-звезда (перерывы в занятиях)</i>	65
<i>поле-россия: прощанье</i>	66

ЦИКЛ ВТОРОЙ

<i>возникновение храма</i>	71
<i>ивы (памяти музыки)</i>	72

<i>поле и анна</i>	73
<i>замедленный август</i>	75
<i>рожь — та же самая — рожь</i>	76
<i>вздрог ромашки</i>	77
<i>мама в малиннике</i>	78
<i>поле-завершение (страна без людей)</i>	79
<i>и: шуберт</i>	81
<i>идущий к стаду а. — через поле</i>	82
<i>третья песенка для себя</i>	84
<i>спокойно: огни подсолнухов (памяти валерия ламаха)</i>	85
<i>мелькает любочка</i>	88
<i>позднее отцветанье шиповника</i>	89
<i>еще одна песенка для себя</i>	90

цикл третий

<i>и: мгновенья-в-березах</i>	93
<i>прощание с храмом</i>	94
<i>сон-в-знамени</i>	95
<i>капли на розе</i>	96
<i>стихотворение-название: белая бабочка, перелетающая через сжатое поле</i>	98
<i>все та же ива</i>	99
<i>облака</i>	100
<i>похороны маков</i>	101
<i>чище чем смысл</i>	102
<i>только возможность фрагмента</i>	103
<i>о друг мой</i>	104
<i>а тот орешник давний</i>	105

ВРЕМЯ ОВРАГОВ (1982–1984)

<i>что кроме вьюг</i>	109
<i>первая радуга года</i>	111
<i>в гости в детстве</i>	112
<i>утро-окраина</i>	115
<i>окраина: зима без людей</i>	116
<i>прощаясь с шаламовым</i>	118
<i>песенка без названия</i>	120
<i>стланик на камне</i>	121
<i>полдень</i>	123
<i>зима-окраина</i>	124
<i>подросток-в-старце</i> <i>(к фотографии Достоевского 1879 года)</i>	125
<i>а они притихая во время болезни</i>	126
<i>ты-и-лес</i>	127
<i>с пением: к завершению</i>	129
<i>о девочке и о другом</i>	132
<i>роза молчания</i>	134
<i>последний овраг (пауль целан)</i>	135
<i>песенка для нас с тобой</i>	137
<i>песенка по поводу одной потери</i>	138
<i>без названия</i>	139
<i>флоксы — мельком</i>	140
<i>мертвая роза среди бумаг</i>	141

ХОЛМЫ-ДВОЙНИКИ (1983–1985)

<i>холм-навсегда</i>	145
<i>жалкий пейзаж неизвестного художника</i>	148

<i>не доезжая до друга</i>	149
<i>и: едино-овраг</i>	151
<i>рядом с лесом</i>	155
<i>река-жемайтия</i>	157
<i>при том что без слов</i>	159
<i>холмы-и-холмы</i>	160
<i>празднество-калвария</i>	163
<i>а где-то — этот костел</i>	164
<i>дорога из лесу: вечер</i>	165
<i>белые цветы на самом краю родины</i>	166
<i>поляна-прощание</i>	168
<i>жемайтия: заходящее солнце</i>	169

ГЕННАДИЙ АЙГИ
собрание сочинений
в семи томах
том пятый
ПОЛЕ-РОССИЯ

Составление Галины Айги
и Александра Макарова-Кроткова

Набор и вёрстка СЕРГЕЯ ВВЕДЕНСКОГО
Редактор АЛЕКСАНДР МАКАРОВ-КРОТКОВ
Корректор ЕЛЕНА САЛТЫКОВА

Книгоиздательство
и магазин "Гилея"
Москва, Нахимовский просп., 51/21
(в помещении ИНИОН РАН)
тел. 8-499-7246167
<http://gileia.org>
e-mail: info@gileia.org

Отпечатано в ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46
Заказ № 566
Тираж 750 экз.

